

охотливый, или, как его называл Гаюр, реденький Ключок. Много было смеху, шуток. Но с тех пор Ключку показаться в станицу нельзя было. Как завидит детвора, так и начнет кричать:

— Господи, чего бояться? Земля наша, люди свои — чирички надел, оборочки подвязал.

Сначала Ключок пробовал гоняться с палкой за шалунами, но от этого было хуже.

Рассыплется детвора, а затем опять лавой и с тем же криком вьет около старика.

И кончил тем Ключок, — что перестал совсем ходить в станицу.

Алексей Персидсков.
(Брно).

* * *

Жизнь затмилась моя молодая,
Потонула во мраке ночном.
Эх, ты, доля моя золотая!..
Кутежи да похмслья вином.

И вдруг вспомнишь за водкой родное:
Тихий Дон да седой ковыль,
И Казачество, песни, бывшее,
Нашу вольную, буйную ширь...

И потянет тебя на просторы
Золотых черноземных полей
И в столицу былую — Раздоры,
В тень родную степных куреней.

Пронесется отряд многоликий
Атаманов — зипунных бойцов,
Что водили на подвиг великий
Наших прадедов, дедов, отцов...

20/XI—26.

П. Покогило.
(Подєбради)

* * *

Гей Кубане, краю рідний,
Твоя слава не вміра, —
Гомін сурм твоїх побідних,
Серце наше відчува!

Гей Кубане, наша мати!
Вірні всі твої сини,
Як один підуть вмірати
В бій за щастя Вітчизни!

А в далекій цій чужині
Ми тобою лишнь живем,
За твої станиці вільні
Буйні голови складемо...

Ген по всіх світах просторих,
Де лиш є твої сини,
Там співають дружнім хором
Про Кубань свої пісні!

Гей Кубане, краю рідний,
Наша слава Вітчизна, —
Гомін сурм твоїх побідних
Вже збудив нас всіх від сна.

Бѣлѣшкѣ.

Кишиктэ¹⁾.

(Быль).

Это было жалкое существо с моргавшими, смеющимися глазами, мелкими чертами лица и худощавым телом. Ее всегда темный „кюлтэ“²⁾ сидел мешком. При ходьбе раскрывались полы его и показывались темно-синие нанковые шальвары и голенища ее мужских сапог (тогда носили ботанки с пуговицами — она избегала хлопот с ними).

Редкие, черные волосы, заплетенные в две косы по старинному обычаю вдемы и „шибэрлэк“³⁾. Огложной воротник „хальмак“⁴⁾ женской рубашки всегда смятый и грязный прикрывал ее жилистую худую, смуглую шею.

Она жена бывшего атамана станицы, свирепого калмыка Санчира, редкого по энергии и смелости, в высокой степени упрямого и жестокого при исполнении задуманного. Его помнят во многих видах: то в одной ситцевой рубашке с расстегнутым воротом, подрезающего фруктовые деревья в собственном саду, то сидящего на балконе своего дома на берегу балки Богла в х. Потаповском с трубкой в зубах, босого. Еще появлялся он в черном длинном скюртке из лучшего русского сукна в передней Н-ской гимназии повидать племянницу жены. С ним любезно раскланивалась начальница гимназии, красавица В. А. Г-ва.

Гордо откинутая голова и осанка могли быть предметом зависти многих дипломатов того времени. Имея

властный характер, не терпящий возражений, он заставлял в своем хуторе замолчать не только помощью закона, но и своим собственным кулаком. Он верит в свой ум и силу. Долгие годы велел ссору с бабшей своей станицы, не считаясь с мнением и толками религиозных людей. Всякие неудовольствия, недомолвки не только в семье, но и вне он разрешает единым способом — избиением жены.

Однажды после таких побоев жена его со сломанным ребром и синяками на всем теле, убежала к своей матери в другую станицу. Собрались родственники ее и решили, что закон может быть защитой слабой женщины и подали в суд. В окружной станице, где находилась Кишиктэ, до решения суда встретился без свидетелей Санчир с женой и зашел ей райские напевы. Он говорил ей, что теперь бить ее не будет, что жизнь будет совсем иная, что дети плачут по ней. Он употребил хитрость. Стал восхвалять ее доброе сердце и рисовать несчастное положение покинутых детей.

Так как она за детьми уже стосковалась и поверила его обещанию больше не бить — согласилась помириться и прекратить дело в суде. Вернувшись домой она снова и еще с большими унижениями была избиваема, но уже не повторяла попыток к бегству, решив подчиниться своей судьбе.

Когда то она была жизнерадостная, доверчивая и преданная своим родственникам. Про нее говорили, что она „йир алексик“¹⁾. Ее отдали за Санчира — моло-

¹⁾ Имя со значением богатая, счастливая.

²⁾ Женское платье.

³⁾ Черные сумки для косы.

⁴⁾ Калмычской.

¹⁾ Т. е. у нее сильно развито родственное чувство.

лого урядника, вернувшегося со службы. За три с половиной года военной службы сильно меняются не только внешне, но и духовно. Некоторые из них гонятся за внешним блеском, презирают своих отставших родственников за их обычаи, одежду, верования и первым делом требуют удаления жены, если таковая его дожидалась. У Санчира также была жена и ждала его годя, но он, перлувшись, решил ее удалить, чтобы начать совсем новую жизнь. Тогда он и взял вторую жену Кишикта.

Богатство, власть и сила мужа — ее основное несчастье. Она подарила ему четырех детей. Первенцем мальчик умер, остальные живы. Теперь Санчир богат и силен, детей обожает, но жену держит в страхе и трепете перед своей персоной. Сеет Санчир 200—300 десятин, имеет сотни голов скота, 30—40 лошадей, 10 десятин фруктового сада. Во время жатвы держит сотни рабочих. Он умеет заставить работать с рассвета до позднего вечера, становится в ряды и хлебает кандер с салом и пшеном — свою выгоду соблюсти он всегда умеет.

Видела Кишикта, что с каждым годом его деспотизм растет, но бороться она не была в состоянии — не хватало ни умения, ни характера. Все ее претензии в воспитании детей в духе старых традиций вызывали грозный окрик и натывались на его свинцовый кулак.

Он поверил в науку и ее благие результаты и решил бесповоротно отдавать детей в русские школы. Но страшное горе принесла дочь. В 12—13 лет со 2—3 класса окружной школы у старшей дочери Бадьмы стал развиваться туберкулез легких. Тихо плакала мать, шепталась с соседками и близкими, обвиняя мужа, т. е. слепо верила, что „оросы“¹⁾ привили болезнь дочери, что не отдай ее в школу м. б. она бы не заболела. Грозно метался отец. Он изездил по всем знаменитостям и нашел выход. Наплевал на все „свой“ средства и отвез ее в санаторию для легочных в Сухум-Кале на берегу Черного моря.

Там она выросла в девушку с сильной волей, установившимися убеждениями и эгоизмом безнадежно больного. Будучи от природы даровитой она сумела развиться, пользуясь средствами и досугом. В летнее время приезжала она в родное гнездо и здесь обнаруживала начитанность. В ее маленькой библиотеке были Толстой, Достоевский и другие русские классики, отчасти и иностранная литература.

Было удивительно видеть Санчира с дочерью. Он брал ее, большую, на руки, называл самыми нежными именами, целовал и совершенно соглашался со всем, что она ни скажет. Она боготворила отца и ставила его в пример другим, строго осуждала мать.

Бадьма одевалась „орсар“, т. е. по европейски (по русски). Вкусы и привычки ее мало отличались от той среды, в которой вращалась она в богато устроенной санатории. Интересы средней интеллигенции, чтения и беседы с разношерстными людьми развили ее не по возрасту. В шестнадцать лет она была разочарованной, безразличной и скептически настроенной девушкой.

* * *

В дни ранней юности Нохашка, троюродная сестра Бадьмы, подолгу гостила на летних каникулах в доме Санчира. Комната Бадьмы продолговатая. Спали они всегда с раскрытым окном, выходившим на восток. Обычно мычание, бляение, шум заставляло их просыпаться и они поднимались иногда довольно рано. Как-то раз проснувшись Нохашка услышала брань и различила голоса Кишикта и Санчира.

— Хар толгаган зальга, — кричал он²⁾.

— Сам хар толгаган зальга, — отвечала она. Ну, что же такого? Они курили „арьки“ (самодельная водка) и позвали меня. Я выпила всего две—три „цеме“³⁾.

¹⁾ Русские.

²⁾ Точно: проглоти свою черную голову, т. е. чтобы ты умерла или по просту, чтобы ты издохла.

³⁾ Деревянная чашечка, каковую казаки называют „чебучейка“.

— И чтобы ты провалилась кишва домбор⁴⁾, чтобы лизала раскаленное железо на том свете!

— Они и вам прислали бутылку, вот вам⁵⁾! Я не одна пила.

— Безрогая корова, ведь напилась же ранним утром! Фу, да и корона несчастная!

Потом все стихло. День обещал быть чудесным. На небе щебетали жаворонки. Солнце только что показало из-за горизонта. Противоположный берег балки Богла возвышался над садами Санчира, отделенными от усадьбы улицей. Видны были на том берегу постройки родственников Кишикта, ее дяди старика Бурул, двоюродного брата Карпа и племянников. Маленький флигелек в две комнаты, небольшая землянка, деревянные сарайчики, скирды сена, огород и глиняная печь для выпечки хлеба. Тут же „гарнушка“ для стряпни: все было, как на ладони.

Вот идет красивый, стройный мальчик Пандя с кнутом, за ним бежит его маленькая, хорошенькая сестренка Агана четырех—пяти лет. Они загоняют телят в сарай на время пока скотину не отгонят подалее в степь. Около „гарнушки“ суетится толстая, высокая Абуна — мачеха этих детей, добрейшее существо в мире. Она дымит и около „орос“ печки. Полы ее рыжего „кюлтэ“ отвернуты и втыкнуты за пояс. Видны синие шальвары. Шивирлик ее откинут на спину, на голове черный „джатак“⁶⁾ с „улан зала“⁷⁾.

Пока Нохашка рассматривала эту картину мирной жизни солнце поднялось выше. Абуна, подложив кизеки, засучив рукава быстро-быстро собирает руками свежий помет в небольшую кучку около скирды кизеков и, севши на корточки, начинает месить, а затем, наклонившись и сотрясаясь всем телом, делает „ташсан базан“ — лепные кизеки. В несколько дней они будут годны к употреблению. В полчаса, или еще того менее, дело сделано, она скрылась в балку зымыться.

Бадьма еще спала, когда Нохашка, одевшись, вышла. Кишикта несла ведра с молоком в погреб поставить на сметану, русская кухарка ей помогала.

— Менде хонута Кишикта, как спалось?

— Хорошо, а Бадьма еще спит, много кашляла?

— Нет, я даже не слышала ее кашля.

Кишикта скрылась в погреб. В русской кухне что-то жарилось для девочек, из калмыцкой кухни валит дым столбом. В то время вошло в практику иметь две кухни у зажиточных калмыков — одна с обычной плитой, духовкой и русской печью для выпечки хлеба. Калмыцкая кухня имела у тех, у кого не было кибитки и ставилась или из глины, формой напоминающая кибитку с отверстием наверху, или деревянная, а то вовсе приспособлялись в русской же кухне или в сарае. Посреди кухни стоял чугунный треножник, на котором ставился громадный чугунный котел вместимостью восемь—десять ведер жидкости. В стороне стояли принадлежности для вагонки „арьки“ — самодельной водки: корыто, котел-приемник, изогнутая полая трубка — „цорго“. Здесь у богатых людей ежедневно „курили“, т. е. гнали „арьки“.

Сегодня, очевидно, Кишикта гонит... Дым шел и через отверстие наверху и в дверь. У двери сидел Санчир. Он курил трубку и подкладывал кизеки под котел с „чиганом“⁸⁾, закрытый половинчатыми крышками и залепленный глиной. Отверстие крыши соединяется посредством „цорго“ с пустым котлом-приемником, меньшей вместимости, также замазанным глиной и имеющим два отверстия. Приемник-котел погружен в корыто с холодной водой. Другое отверстие в большом котле закрыто до поры до времени глиняной пирамидой — „хавлак“. Второе же отверстие в котле-приемнике открыто и в него погружают время от времени „амсур“⁹⁾,

¹⁾ Должно: несчастная балалайка, по смыслу: густая и сухая, как балалайка.

²⁾ Традиционное обращение жены к мужу „вы“ и обратно мужа к жене „ты“.

³⁾ Круглая женская шапочка с традиционной красной кистью.

⁴⁾ Красная кисть на головном уборе.

⁵⁾ Перебродившее кислое молоко.

⁶⁾ Приспособление для пробы крепости арьки.

чтобы попробовать крепость готового „арьки“. Когда кончается перегонка, обычно на треножнике остается частый котел для молока. А „чигян“ после перегонки получает название „бозо“ и его цедят для удаления сыворотки — шар усун, а гущу называют „аарца“. Этот „аарц“ очень кислый и в высокой степени полезный для желудка идет для приправы к пище в летнее время, а к осени из него делают сушенки на зиму по имени „аадам“.

Такова примитивная, основная приправа к пище ридового калмыка. „Чигян“, „бозо“, „аарц“, „аадам“ — все кислоты. Что касается до самого „арька“ — водки, то она употреблялась стариками, как домашний напиток, а также при выполнении свадебных и иных обрядов, как дополнение к напиткам вообще.

Санчир, увидев Нохашу, сказал:

— Гоним „арька“, наши родственники отправляют свою невестку к родителям. Мы обещали им „дэмь“ — помощь.

Вернулась Кишиктэ из погреба и, войдя в кухню, взяла „амсур“ и сказала мужу: пора попробовать, уже пар идет. В самом деле, пар валит из свободного отверстия приемника, вода в корыте стала нагреваться. Санчир попробовал, поморщился и сказал, что еще слишком рано. Кишиктэ принесла два ведра холодной воды и долила в корыто.

— А я видела сейчас Абуна.. Она просила девочек прийти к ним на чай. Я тоже пойду с ними.

Санчир пахмурился.

— А тебе зачем туда ходить, не видела ты их чай что ли?

— Почему же мне не пойти. Они мне не чужие!

— Пусть твой Карпу не пускает своих коз ко мне в сад, вечером сломали дерево — оно дороже самого Карпу, чтобы он отправился на тот свет, несчастный!

— Скажите, какая брань и злые мысли, ядовитый вы человек, — сказала Кишиктэ.

— Карпу твой и вся твоя родня все паршивые люди!

— Это ваш „сэткил“¹⁾ такой черный, вся вапа душа черна, как дно ада.

— Замолчи ты, безрогая корова, чтобы ты проглотила свою черную голову..

Появилась в белом платье Бадьма и покашливая сказала:

— Курите арьку свою распрекрасную? Нельзя ли перестать это делать?

Миленькая девочка, как хочешь, я запрешу, если тебе не нравится. Только вот обещал „дэмь“ людям.

Мне то все равно, только „бава“ — мама поживает, да и некрасиво все это.

— А как же старинный обычай? Куда „чигян“ девать, как быть без „аарац“, „аадам“? — запротестовала Кишиктэ.

— Будем капусту солить, квас делать, — сказал Санчир.

— Как мужики будем травой питаться, когда есть своя прекрасная сильная молочная пища, — не унималась Кишиктэ.

— Ну, как хотите, только не спорте...

— Девочка, ты выпила ли желтки? — спросил Санчир и направился в русскую кухню. Позвал кухарку.

— Идите чай пить, закусьвать, — сказала Кишиктэ и, уменьшив огонь под котлом, пошла со всеми вместе на балкон. Русская кухарка уж принесла сырые яйца, молоко, русский чай, свежий каймак, масло, какао, калмыцкий чай. Бадьма глотала все, как полагалось в сапаторнуме. Родители выпили калмыцкого чаю с хлебом и скоро пошли снимать „хавхак“²⁾.

Девушки насытившись пошли побродить в сад, потом перешли ручеек по дощечке и поднялись к Карпу мимо его колодца на уклоне балки.

— Ты против наших обычаев, Бадьма?

— Не всех но очень многих. Много таких, что будь я здорова, изборолась бы.

— Например, эта ваша родственница, что едет к родителям. Она не хотела замуж за этого дурака, но ее отдали.

— Ну да, конечно, принуждать жениться или выходить замуж — это первое безобразие. Будь я на месте этой женщины должно быть давно убежала бы куда глаза глядят.

— А знаете, они все на вас смотрят так, как и на всех и хотели бы тоже выдать, да за богатого, хотя бы за болвана и, конечно, не спрашивая нас.

— А что пишут в книгах про любовь и т. д., то это считают развратом.

— Ну, про любовь... я считаю что этот номер не про нас писан, — убежденно сказала Нохашка. Вообще мы должны не иметь свое собственное, мы можем бороться только с дикостью, а если не дай Бог будут свои чувства, то лучше их убивать вначале. Вообще я, вероятно, сроду не пойду замуж!

— Ты права, но придет время, когда все будет в порядке и не нужно будет делать геройских усилий отдельным личностям, — оветила Бадьма.

— Бог твоя мать...

— Оставь мать. Она сама виновата. Я считаю отца правым и не буду утруждать себя за нее заступаться.

Разговаривая так девушки поднялись к Карпу. Залаяла белая собака, выбежали навстречу дети. Пандя радостно смеясь и сморкаясь на ходу говорил:

— Сегодня мы едем на бахчу — гавуусту один бидан!

— Кто едет с тобой?

— Отец берет меня с собой. Хотите и вас он возьмет. Поедемте, не далеко, ведь!

Около „гарнушки“ позилась Абуна с ребенком на руках. Светло-волосый ребенок умыт и причесан, одет в рубашку и полинялые синие штанишки с лампасами. Он только недавно начал бегать. Ухватившись за „шибирлак“ матери он тербит ее.

— Ярмак, отстань ты от меня, — отбивается мать, улыбаясь. Ее некрасивое полное лицо было всегда приятно.

— Мендэ Ермак, — девушки по очереди берут мальчишку на руки. Он не дичится, а наоборот удивлен и заинтересован.

— „Элкени тачана“ — родственное чувство тянет его к вам — решила мать. Все садятся тут же недалеко от „гарнушки“ на посланный старый ковер и полости — „ширдик“. Абуна принесла „джогза“ — низкий столик, на котором появилась красная деревянная миска с кучей горячих пышек, только выпеченных в „орос“ печке. Несет она еще миску кайману к пышкам.

— Пандя, беги зови „баджа“¹⁾ и отца чай пить! Пандя умчался.

— Наар, Ярмак, — зовет она затем мальчика. Станцуй девушкам, а я спую:

Цугар бяна, цуктан бяна

Тас бяна, тасган бяна...²⁾

Ермак начинает подплясывать, а мать в восхищении от него. Подходит „баджа“ — старик Бурул медленными, соразмеренными шагами и садится на „ширдик“, спрятав в карман кисет с трубкой. Карпу и Пандя также подошли и сели недалеко на полость.

— Пандя, „дэджи оргэ“³⁾ — говорит „баджа“. Пандя снимает шапку, берет „дэджин цекце“ — серебряную чашечку на высокой подставке, становится на одно колено и подставляет чашечку матери. Та наливает чай из котла, кладет кусок пышки и Пандя, медленно подышавшись, уносит в хату это воздаяние небесам. Всякая благочестивая семья до прикосновения к пище воздаст должное небесам. Затем Абуна раздает всем чашки-чечучейки желтого цвета и начиная со старика по очереди наливает всем. Девушки молча едят пышки и пьют сытный „хальмак“ чай.

¹⁾ Мысль, совесть.

²⁾ Глиняная пирамида для закрытия отверстия в котле. Снимать „хавхак“, должен обязательно мужчина и это значит, что водка готова.

³⁾ Почтительное обращение к старшим.

⁴⁾ Всего имеется, всего вдоволь...

⁵⁾ Воздай небесам.

— Удивительное дело, говорят в сердце стятого писания сказано, что учение Будды восторжествует над всеми. Правда это или нет? — говорит „баджа“ своим каким то придушенным голосом, обращаясь к девушкам.

— Не знаем „баджа“, что будет, но книг много написано про буддизм у иноверцев. — отвечает более развитая Бадма.

— Я помню, мой племянник Наран (да переселится его душа в лучший мир) мне говорил, что это так будет, но он умер, а вы еще дети...

Сказал и, помолчав немного, снова начал:

— Мой покойный сын Пахут (да переселится он в

лучший мир) бывало хотел это знать, но он умер и не узнал.

Снова замолчал. Девушки тоже почтительно молчат. Его единственный сын погиб в Японскую войну. Теперь старик жил с племянником. Довольно большой котел стал опорожняться. Солнце поднялось выше. Было около семи часов.

— Я думаю, что это так, — продолжал „баджа“. Учение Будды должно победить, потому что в мире все пусто. Радость ничего не стоит, счастье не постоянно, только в Nirvane успокоение. Все мирское временно... Но вы еще дети...

(Окончание следует).

■■■■■■■■■■

И—ф Б—ов.
(Франция).

„ИВАН“ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

И затерянный в пароды,
Вдруг исчез Иван.
Как живешь ты на свободе?
Где ты? Эй, Иван!
(„Эй, Иван“ Некрасова).

Из земли поэт восстань-ка
И послушай: — вот
На вопрос теперь лишь Ванька
Свой ответ дает:
„Я не тот. От прежней жизни
Я теперь отвык,
И свирепствую в отчизне:
Я, ведь, большевик!
Раньше я дрожал пред паном
Нынче-ж сам я пан.
Раньше был я полугляным
А теперь я пьян.
Пьян от водки, пьян от крови
Пьян от ласки баб.
Граблю... Банды наготове...
И в порядке „штаб“.
Стал из бедного безбедным,
Ведь снята узда, —
А на лбу сияет медном
Красная звезда.
В пятерне револьвер блещет,

Сабля на ремне.
Предо мною все трепещет,
Все послушно мне.
Издаю я сам приказы,
Хоть глупее пня, —
И боятся, как проказы
Все теперь меня.
Потому покуралесить
Можем мы, не лгу,
Без суда могу повесить
Расстрелять могу.
Возмущаются в народе
Что я хам и зверь —
Так живу я на свободе,
Я живу теперь“.
Тяжко-ль стало жизни бремя
Иль попутал бес, —
Помню, Ванька, было время
Ты в петлю залез.
Из петли полуживого
Вынули тебя,
Много сделал ты плохого
Жизнь свою губя.
Эх, Иван! Ты славный муж, но...
Если-б только знать
Из петли тебя не нужно
Было-б вынимать.
Бизерта.

■■■■■■■■■■

Два метода.

Около ста лет тому назад знаменитый юрист-государствовед Блюнчли, анализируя противоречия государственных и национальных интересов, пришел к выводу, что разрешение и упорядочение этого вопроса возможно лишь тогда, когда политическая мысль будет руководиться принципом: сколько наций, — столько государств. Каждый народ должен иметь свое национальное государство. И при этом безразлично, отличается ли этот народ от своих соседей особым языком, культурой и т. п. или нет. Важно лишь, чтобы в наличности были: известная историческая общность, совокуинность областных или территориальных интересов и, что самое главное, сознание своей обособленности.

Блюнчли был юрисконсульт Швейцарского

Союза и свою схему основал на глубоком изучении истории развития системы швейцарских государств — кантонов, которые, как известно, по населению своему — всего только части соседних великих народов: французского, итальянского и немецкого.

Схема Блюнчли остается действительной и для нашего времени. Теоретически против нее не имеется сколько-нибудь веских возражений; практически — она получила многократные подтверждения в ходе европейской и заокеанской политики.

Наилучшие доказательства в ее пользу дает государственная практика современной Британской империи. Как об этом уже вскользь упоминалось в „В. К.“, расщепление английской на-